Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Слабый железный гений

01.09.2026.

Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898-1948). Архивная фотография

Можно ли написать роман о Сергее Эйзенштейне? И если да, то зачем и как? Зачем писать о нем, когда имеются десятки биографий и исследований, сохранились письма, дневники, рисунки, теоретические труды, воспоминания современников? И как писать о том, кто превратил собственную жизнь в тщательно смонтированный фильм? Как разглядеть за оставленным после Эйзенштейна «материалом» реального человека?

Именно такую, кажущуюся почти невозможной, задачу поставила перед собой Гузель Яхина, сформулировав ее так: «Я поставила себе задачу: соткать художественное полотно из всей доступной нынче реальности того времени (дат, цитат, цифр…) и авторских предположений о личности героя – без швов и максимально близко к фактам. Развернуть действие на границе fiction и non-fiction. Создать не научный труд, а художественный, но с предельным уважением к правде».

В результате получилась не биография в традиционном понимании и не попытка последовательно пересказать жизнь создателя «Броненосца “Потемкин”», «Александра Невского» и «Ивана Грозного». Гузель Яхина и ее российский издатель определили жанр книги как «роман-буфф». Уже в этом подзаголовке заключено

обещание игры: документ соседствует с вымыслом, трагедия – с гротеском. Великий режиссер предстает то демиургом, способным подчинить себе толпу, камеру и Историю, то испуганным коротышкой, вынужденным угадывать желания власти и приспосабливаться к ней, насколько возможно, и живущим в пространстве, состоящем всего из трех цветов (стр. 385): черного, из которого «все растет, начинается, и в него же возвращается умирать», красного, цвета рассвета и заката, страсти, крови и «главной краски коммунизма», и золотого, «цвета высшей ценности и предельного блаженства».

Четвертый роман Гузель Яхиной «Эйзен» вышел в России 5 марта 2025 года – в день смерти Сталина. Я не верю в случайные совпадения. Согласитесь, трудно придумать более символичную дату для книги о художнике, чья судьба оказалась неразрывно связана с советской властью, ее заказами и запретами, милостями и унижениями, наградами и наказаниями. Большая его часть была написана в Алма-Ате, где с 2023 года живет Гузель Яхина и где эвакуированный во время Великой Отечественной войны Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного» – шедевр, работа над которым и последующий запрет окончательно подорвали его здоровье. Еще одно «совпадение»?

«Степь казахская пахла свободой и солнцем», – думает режиссер в вагоне поезда, «набитого сталинскими лауреатами». «Острое чувство свободы, не только подзабытое, но, казалось, давно уже похороненное в сознании, овладевало им все больше, с каждым днем, и каждым спетым американским свингом, и каждой новой станцией, отдаляющей от Москвы». Прекрасно помню, как, прочитав «Эйзена» больше года назад, я поделилась с Гузель главным своим ощущением: эту книгу написал свободный, *освободившийся* автор.

Я не только читала три предыдущих романа Гузель Яхиной, но и писала о них, то есть изучила тексты достаточно глубоко. А потому, получив PDF-файл новой книги, забеспокоилась, ведь этот роман – о том же историческом периоде, так не столкнусь ли я, да и все другие читатели, с «вторичностью»? Не столкнулась. Более того, позволю себе высказать мнение, что этот четвертый роман – в котором внимательный читатель заметит едва заметное, почти намеками присутствие трех первых и четыре упоминания родной для Гузели Яхиной Казани – получился у нее самым личным, даже если прогремевший дебютный роман «Зулейха открывает глаза» был основан на истории ее родной бабушки. Бабушка писательницы, при всем уважении к ней, человек широкой публике неизвестный. Совсем иное дело Сергей Эйзенштейн, известный на весь мир. И все же именно в романе о нем Яхина, как мне кажется, раскрывается сильнее, чем в семейной истории: она не рассказывает о себе прямо, а словно примеряет к себе судьбу художника, оказавшегося перед властью и общественным судом.

Вот написала я «известный на весь мир» и задумалась: а так ли это? Конечно, Эйзенштейна знают в постсоветском пространстве, по крайней мере, люди моего поколения и старше. А молодежь? Не уверена. За границей – тем более. А тут еще сама автор повысила риск неузнаваемости героя, не вынеся на обложку его фамилию полностью, а сократив ее до «Эйзен». Что за Эйзен такой, которого любители оперы могут ненароком принять за солиста Большого театра Артура Эйзена?

Дело в том, что именно так называли режиссера близкие, за исключением мамы – для

нее он был Рориком. Но не думаю, что Гузель Яхина зацепилась за это прозвище только поэтому. Стоит напомнить, что по первому образованию она – преподаватель немецкого языка, так что можно увидеть в ее выборе языковую игру: по-немецки *Eisen* означает «железо», а *Stein* – «камень». Отбрасывая вторую половину фамилии, Яхина словно снимает с героя монументальную, «каменную» оболочку. Остается Эйзен – все еще «железный», но уже не памятник, а живой человек. Железо мягче стали – металла, название которого выбрал себе в фамилию Иосиф Джугашвили. Так уже в самом названии романа возникает главное противостояние книги: между «железным» гением с его человеческими слабостями и человеком из стали, вершащим его судьбу. Сердце Эйзенштейна не выдержало первым – он умер за пять лет до Сталина. В противостоянии с властью Художник всегда проигрывает – физически, но не духовно. Настоящее искусство переживет любой политический режим.

Но этим смысл названия не исчерпывается. Эйзенштейн – историческая фигура, великий режиссер, окруженный исследованиями и мифами. Эйзен – человек, которого Гузель Яхина пытается увидеть за знаменитой фамилией: противоречивого, земного, смешного, испуганного, тщеславного, вечно окруженного толпой и безысходно одинокого, стремящегося к творческой власти над людьми и мучительно зависимого от власти политической, приносящего на алтарь искусства все – окружающих, себя самого и историческую правду.

Кадр из фильма "Броненосец "Потемкин"", 1925 г. Архив киностудии Мосфильм

Историческая правда и ее сознательное попрание – важнейшая тема романа. Но если Сергей Эйзенштейн совершенно об этом не заботился и даже в течение многих лет гордился тем, что каким он изобразит, скажем, Александра Невского, таким тот и войдет в сознание миллионов людей, то Гузель Яхина допустила несколько неточностей явно ненарочно. Позволю себе отметить две, в которых уверена. Во-первых, при постановке «Валькирии» в Большом театре в 1940 году Эйзенштейн не «довольствовался начинающими исполнителями»: в спектакле участвовали ведущие солисты Большого – Наталья Шпиллер, Василий Лубенцов и Никандр Ханаев. Во-вторых, далеко не весь Большой театр был эвакуирован в Алма-Ату. Но на фоне искажений, допускавшихся Эйзенштейном, эти ошибки, разумеется, выглядят незначительными.

Но где же проходит граница между настоящим Эйзенштейном и придуманным Гузель Яхиной Эйзеном? Насколько свободно писатель вправе обращаться с биографией реального человека, особенно если этот человек сам всю жизнь создавал собственный миф? И можно ли понять компромиссы художника, не превращая их ни в обвинение, ни в оправдание, но относясь к ним с состраданием, с сочувствием, без которого, как справедливо утверждает Гузель Яхина, невозможно творчество? Именно эти вопросы и составляют, на мой взгляд, нерв романа.

Стоит, наверно, напомнить, что, помимо факультета иностранных языков Казанского пединститута, Гузель Яхина окончила и программу «Сценарное мастерство» Московской школы кино, так что кинематографическим языком она владеет профессионально, а этот вид искусства обожает. Читатель ощущает, с каким восторгом она описывает все, что связано с творческим процессом Сергея Эйзенштейна, как упивается его невероятной изобретательностью и при этом с какой безжалостной прямотой рассказывает о его собственной безжалостности во имя

результата – фильма, как справедливо выводит на первый план главных операторов Эйзенштейна, Эдуарда Тиссэ и Андрея Москвина, умудрявшихся реализовать его порой запредельные требования. Вот как завершается описание знаменитого эпизода с коляской с младенцем, катящейся вниз по лестнице в фильме «Броненосец "Потемкин"»: «Копыта затоптали младенца в кашу. Эйзен хотел было притащить из прозекторской настоящий детский труп, но игравшие казаков милиционеры отказались работать с телом. Пришлось обойтись тряпичной куклой, которую вместо опилок набили спелыми помидорами — для имитации натуральности.»

Не сомневаюсь, эти фрагменты книги могут и сегодня служить бесценным учебником для начинающих кинематографистов, ведь искусственный интеллект не способен заменить божью искру гениальности – по крайней мере, пока.

Особенно важны для внутренней эволюции Эйзена судьбы двух близких ему людей – его учителя, великого режиссера Всеволода Мейерхольда, и друга, великого писателя Исаака Бабеля. Рассказ об их аресте и гибели – это прекрасные и страшные страницы: полученное «с того света» письмо Зинаиды Райх, неподдельное горе Эйзенштейна, прах двух гениев, смешавшийся в общей безымянной могиле… Все это заставляет героя ощутить не только собственную уязвимость, но и мучительную случайность своего спасения: почему уничтожили их, а ему позволили жить и работать?

Кадр из фильма "Октябрь", 1927 г. Архив киностудии Мосфильм

С этого момента страх перестает быть лишь внешним обстоятельством и поселяется внутри Эйзенштейна, создавая постоянное ощущение «тесноты». Продолжая принимать государственные заказы и лавировать между требованиями власти и собственными художественными устремлениями, Эйзен вынужден постоянно отвечать себе на вопрос, где заканчивается необходимый для выживания компромисс и начинается предательство – погибших друзей, искусства и самого себя. Как объяснить его готовность снимать фильм об Иване Грозном и оправдывать «исторической необходимостью» совершенные царем злодеяния? И как постичь путь, который привел Эйзенштейна от этой исходной точки к ошеломляющей картине о безумном единодержце, к однозначному обличению абсолютной власти? На странице 472 русской версии читаем: «Эйзен раскрывал перед зрителем формулу Власти – медленно, эскиз за эскизом и сцена за сценой, - впервые не стремясь этим зрителем управлять, а только показывая и рассказывая, только предъявляя свои открытия и щедро делясь».

Разумеется, «Эйзен» – не просто роман об истории кинематографа на примере жизни одного из ярчайших представителей этого «важнейшего из искусств». В очень большой, если не в самой большой степени это – психологический роман. Гузель Яхину интересует не столько последовательность событий в жизни Эйзенштейна, хотя она и придерживается хронологии, сколько загадка его личности: как в одном человеке могли сочетаться невероятная творческая смелость и почти детская зависимость от чужого признания, способность повелевать огромной съемочной площадкой и неспособность строить близкие отношения, дерзость художника и слабость человека, для которого работа становится не просто призванием, но способом заполнить внутреннюю пустоту, пережить страх и получить ту любовь, которой ему всегда недостаточно?

В результате даже хорошо известные эпизоды биографии Эйзенштейна становятся материалом для исследования внутреннего устройства героя. Ключ к этому устройству Гузель Яхина, подобно самому Эйзенштейну, высоко ценившему Фрейда, ищет прежде всего в отношениях Эйзена с матерью. До конца жизни он не мог простить ей, что после развода она оставила его с отцом, и также до конца жизни не мог избавиться от потребности нравиться ей и доказывать свою исключительность.

Николай Черкасов в роли Александра Невского. 1938 г. Архив киностудии Мосфильм

Уж если зашел разговор о матери… Во всех книгах Гузели Яхиной читатель встречает сильные женские характеры. Есть они и в «Эйзене», хотя затмевающий всех главный герой склонен считать окружающих женщин персонажами второго плана в грандиозном фильме собственной жизни. Они должны восхищаться им, утешать после неудач, терпеть его исчезновения, обиды и равнодушие, создавать условия для работы и вовремя отступать в тень. Их чувства имеют для него значение лишь постольку, поскольку помогают или мешают творчеству.

Но Яхина постепенно меняет оптику, давая понять, что именно они обладают той внутренней силой, которой лишен гений. Мать научила его искусству перевоплощения и привила потребность производить впечатление; она же обладала особым искусством приводить сына в чувство после приступов истерии. Эсфирь Шуб не просто помогала ему осваивать монтаж, но была самостоятельным режиссером и одним из создателей советского документального кино, легендой.

А Эсфирь Тобак? 5 марта 1937 года – опять 5 марта! – Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет запретить картину Эйзенштейна «Бежин луг», странную смесь Тургенева и Павлика Морозова. За этим следует приказ арестовать все материалы и смыть пленки. И тут в кадре Истории возникает «крошечная женщина в сине-рабочем халате и холщовых нарукавниках». «Неприметный монтажёр «Союзкино» – ни красоты, ни роста, весом детские сорок кило, и с голосом, который никто и никогда не слышал, одним словом, никакая даже не Эсфирь, а бледная моль Фирочка, – эта самая Фирочка проникает в хранилище «Союзкино», состригает с крамольных пленок сотню кадров и, пряча в подростковый бюстгальтер нулевого размера, выносит через проходную. Едва не падая в обморок от чувств и в каждом встречном подозревая НКВД, она трясется на трамваях через всю Москву».

Кадр из фильма "Бежин луг", 1937 г. Архив киностудии Мосфильм

А Пера Аташева (Фогельман), «еврейская мышка» и единственная официальная жена, принявшая правила отношений, в которых ей была отведена почти невозможная роль? После смерти Эйзенштейна именно она сохранила не только огромный архив режиссера, но и авторскую копию «Ивана Грозного» – ведь могли смыть и ее!

Эйзен покоряет толпы, заставляет двигаться тысячи статистов и создает новый язык кино, но в повседневной жизни во многом остается беспомощным ребенком. Женщины вокруг него не становятся главными героинями созданного им мифа и не затмевают его славой, зато именно они выдерживают реальность: зарабатывают, заботятся, принимают решения, переживают унижения и продолжают жить. Поэтому второстепенными они остаются лишь в сознании самого Эйзена. В психологической

структуре романа это едва ли не самые взрослые и сильные персонажи.

В первом, российском, издании «Эйзена» восемь глав. Название каждой отсылает к фильму – но не к фильму Эйзенштейна. Все эти названия красноречивы: «Цирк», «Мать», «Персона», «Жертвоприношение», «Жизнь прекрасна», «Отец и сын», «Энтузиазм: Симфония страха», «Покаяние». Но во всех переводах – а их на сегодняшний день уже дюжина – есть и девятая глава под названием «Матрица». Начинается она так:

«Иван Грозный»
Производство студии «Мосфильм»
Автор сценария и постановщик Сергей Эйзенштейн
Операторы Андрей Москвин, Эдуард Тиссэ

О будущий помазанник! Иван ли ты Грозный, Карл Великий, Людовик по прозвищу Солнце или по прозвищу Лев. Бурбон, Бонапарт, Валуа – или Ланкастер и Йорк. Осман, Баязид, Мехмед – или Джучи и Бату. О почти венценосец, кому остаётся до власти – миг!» И так далее.

Николай Черкасов в роли Ивана Грозного. 1944 г. Архив киностудии Мосфильм

Это – не текст из сценария «Ивана Грозного» и даже не из материалов к нему. Это – попытка Гузель Яхиной в образной, стилизованной форме рассказать о том, что вложено Сергеем Эйзенштейном в этот фильм, который может восприниматься как универсальная инструкция для будущего самодержца: как получить власть, создать врагов, окружить себя верными исполнителями, внушить страх и оправдать насилие великой государственной целью. Название этой главы заставляет вспомнить фильм Вачовски и позволяет увидеть еще один смысл**:** власть создает для человека искусственную реальность и заставляет принимать ее за настоящую. Эйзенштейн делал это средствами кино, Сталин и прочие самодержцы – средствами государственной пропаганды. История уже не существует сама по себе: существует образ истории, смонтированный и предъявленный народу.

В «Эйзене» масса пассажей, которые хочется растащить на цитаты. Некоторые из них заставляют удивляться тому, что роман вообще вышел в России. Например, «правда умеет жить лишь обнаженной».

Как все книги Яхиной, «Эйзен» тоже вызвал бурные дебаты в соцсетях с четким разделением на два лагеря, практически без воздержавшихся – на тех, кто клеймил автора за «искажение истории», и тех, кто «не мог оторваться». Самый неприязненный отзыв в России был опубликован на сайте «Год литературы», который «функционирует при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации». Русскоязычная пресса за пределами России в целом отреагировала на роман удивительно сдержанно, хотя было и несколько крайне негативных откликов от людей известных, чьи имена я предпочитаю не называть: подозреваю, что многих смутила не столько сама книга, сколько тот факт, что она, как и все предыдущие романы Яхиной, вышла в процветающем московском издательстве «Редакция Елены Шубиной». А обозреватель «Медузы», например, упрекнула автора в том, что о возможной гомосексуальности Эйзенштейна «в книге ни слова».

Книга в России подверглась цензуре. Как объяснила мне Гузель Яхина, во избежание нарушения действующих российских законов были убраны упоминания наркотиков и гомосексуальности (вот и ответ «Медузе»). Более того, «с учетом текущей ситуации» автор и издатель приняли решение не публиковать девятую главу – обращение к «будущему помазаннику» неизбежно читается не только исторически. Но обнаженной правды в романе от этого, на мой взгляд, не убавилось.

Да, Гузель Яхина пошла на компромисс. Ради книги. Ради того, чтобы она была прочитана теми, кто живет в России. Можно ли ее за это осуждать? У меня язык не повернется и рука не поднимется. А вы, дорогие читатели, судите сами, читая книгу на любом доступном вам языке – или на нескольких, для сравнения – и пересматривая фильмы Эйзенштейна – те, что еще доступны. Прежде чем вы отправитесь все это разыскивать, вот финал чудесной песни Булата Окуджавы «Исторический роман» – вместо заключения.

Вымысел не есть обман,
Замысел – еще не точка,
Дайте дописать роман
До последнего листочка.
И пока еще жива
Роза красная в бутылке,
Дайте выкрикнуть слова,
Что давно лежат в копилке.

PS Через несколько дней Гузель Яхина будет представлять свою книгу на фестивале Livres sur les quais в Морже. Приходите ее послушать и задать свои вопросы. В этом году почетным гостем литературного фестиваля будет издательство Èditions Noir sur Blanc, отмечающее свое сорокалетие - поздравления коллегам!

современная русская литература
русская литература на французском языке
советское кино
Сергей Эйзенштейн

Source URL: *http://rusaccent.ch/blogpost/guzel-yahina-eyzen-sergey-eyzenshteyn*